

Дантон, Робеспьер и Марат, в согласии с Коммуной (Пашем и Шометтом) действовали вполне единодушно, и они не дали развиться панике с ее вероятными тяжелыми последствиями.

В то же время Конвент, пользуясь обстоятельствами и под предлогом, что «недостаток единства» мешал до сих пор правильному ведению войны, решил взять в свои руки исполнительную власть в придачу к законодательной. Он назначил Комитет общественного спасения, которому дал очень широкие, почти диктаторские полномочия. И эта мера имела громадные последствия для всего дальнейшего развития революции.

Мы видели, что после взятия Тюильри Законодательное собрание установило под именем Временного исполнительного совета министерство, которому и вручило всю исполнительную власть. Кроме того, в январе 1793 г. Конвент назначил еще Комитет общей обороны; а так как война составляла в эту пору главную заботу, этот Комитет приобрел право надзора над Временным исполнительным советом. Теперь, чтобы придать больше единства правительству, Конвент создал Комитет общественного спасения, выбиравшийся Конвентом и состав которого должен был обновляться каждые три месяца. Он заступал место как Комитета обороны, так и Исполнительного совета. Предполагалось, что Конвент сам брал на себя обязанности министерства; но на деле понемногу, как и следовало ожидать, Комитет общественного спасения стал выше Конвента и приобрел во всех отраслях управления громадную власть, которую делил только с Комитетом общественной безопасности, заведовавшим полицией.

Во время кризиса, разразившегося в апреле 1793 г., Дантон, уже принимавший до того времени самое деятельное участие в ведении войны, стал душой Комитета общественного спасения, и он сохранил это влияние вплоть до 10 июля 1793 г., когда подал в отставку.

Наконец, Конвент, который уже с сентября 1792 г. начал посылать своих комиссаров в департаменты и к армиям с очень широкими полномочиями, решил послать с такой же миссией еще 80 представителей, чтобы поднять дух в провинциях и возбуждать энтузиазм к войне. А так как жирондисты вообще отказывались от этих миссий (ни один из них не отправился к армиям), то они охотно назначали монтаньяров, может быть, с тайной мыслью усилиться таким образом в Конвенте в их отсутствие.

Но, конечно, не эти меры реорганизации правительства предотвратили гибельные последствия, которые могла бы иметь измена Дюмуре, если бы армия последовала за своим генералом. Факт тот, что для французского народа революция имела такую притягательную силу, что разрушить веру в революцию не зависело от воли того или другого генерала. Измена Дюмуре, наоборот, придала войне новый характер - народной, демократической войны.

Вместе с тем все поняли также, что Дюмуре один никогда бы не решился на то, что он сделал. У него должны были быть сильные связи в Париже, в Конвенте. Там было гнездо измены. *Конвент изменяет* - так действительно говорилось в адресе, выпущенном Якобинским клубом в день, когда измена стала известной, и подписанном Маратом, который председательствовал в клубе в этот вечер.

С этого момента падение жирондистов и их удаление из Конвента стали непредотвратимыми. Измена Дюмуре сделала неизбежным восстание 31 мая, кончившееся исключением из Конвента главных жирондистов.

XLV НЕИЗБЕЖНОСТЬ НОВОГО ВОССТАНИЯ

31 мая - один из знаменитых дней Великой революции, такой же знаменательный и такой же важности, как и 14 июля и 5 октября 1789 г., 21 июня 1791 и 10 августа 1792 гг.; но вместе с тем, может быть, и самый трагический из всех. В этот день парижский народ поднялся в третий раз, делая последнее свое усилие, чтобы придать революции действительно народный характер. И ради этого он должен был восстать уже не против двора и короля, но против народного представительства - Конвента, с тем чтобы добиться удаления из его среды главных представителей жирондистской партии.

21 июня 1791 г., когда король был арестован народом в Варенне, закончилось собой одну эпоху; падение жирондистов 31 мая 1793 г. закончило другую. Отныне невозможна будет серьезная революция, если у нее не будет своего 31 мая. Или в революции настанет день, когда пролетарии отделятся от буржуазных революционеров, чтобы идти дальше их - туда, куда эти последние не могут идти, не переставая быть буржуазией. Или же такого разделения не совершится, и тогда это не будет революция. Это будет простая замена одной формы правления другой.

Даже теперь, 100 лет спустя, мы чувствуем весь трагизм положения, в которое были поставлены